

УДК 81'371

DOI 10.17223/19986645/35/7

Е.В. Рахилина

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: *СОВАТЬ* – *СУНУТЬ*

В статье подробно рассматриваются глаголы русского языка «совать – сунуть» и их производные (словообразовательные и семантические). Автор исследует, «вычислима» ли особенная стилистика глагола «сунуть» из его семантики, в какой степени стилистические особенности этого глагола наследуются в процессе его словообразования, воспроизводится ли стилистика исходного «сунуть» при семантическом сдвиге, теряется ли, взаимодействуя с другими элементами новой конструкции.

Ключевые слова: лексическая семантика, русский язык, стилистика, семантическая мотивированность, словообразование, приставки, глаголы каузации перемещения и помещения объекта.

1. Постановка задачи

В настоящей статье мы подробно рассмотрим один очень яркий в стилистическом отношении глагол русского языка, а именно глагол *совать* ~ *сунуть*. Это достаточно частотный глагол (в версии Национального корпуса русского языка объемом 150 млн словоупотреблений, он встретился примерно 9 тысяч раз), имеющий, согласно словарным описаниям, несколько производных значений, а также несколько продуктивных приставочных дериватов и один суффиксальный (*сунуться*). В отношении этого глагола и его производных (словообразовательных и семантических) нас будет интересовать:

(1) «Вычислима» ли особенная стилистика *сунуть* из его семантики?

(2) В какой степени стилистические особенности этого глагола наследуются в процессе его словообразования?

(3) Влияет ли стилистика исходного *сунуть* на его дальнейшее семантическое развитие, т.е. воспроизводится ли она при семантическом сдвиге, теряется ли, взаимодействуя с другими элементами новой конструкции?

Каждому из этих вопросов в статье будет посвящен свой раздел (3–5), а в предваряющих их Вводных замечаниях (2) семантика *сунуть* будет проанализирована на фоне других глаголов, в том числе других представителей того же таксономического класса. В заключительном разделе (6) мы подведем итоги нашего анализа.

2. Вводные замечания. Семантика *сунуть*: параллели

Русское *совать* ~ *сунуть* является представителем особого таксономического класса глаголов со значением каузации перемещения объекта. Специфика этого класса в том, что это глаголы перемещения руками: в начале своего перемещения объект находится у человека в руках, а его конечную локализацию (т.е. то место, куда этот объект переместили) определяет специфика данного предиката. Таким образом, общую схему их толкования можно было бы представить так:

‘(одушевленный) Y каузирует (прототипически неодушевленный) X, который находился в руках Y, начать находиться в месте Z’.

Любопытно, что глаголов, подпадающих под это толкование, по крайней мере в русском языке, довольно много, ср.: *класть, ставить, сажать, вешать, сыпать, стелить, грузить, пихать, втыкать* и др. Это значит, что данный класс с когнитивной точки зрения достаточно значим.

Внутри класса глаголы могут противопоставляться, в частности, по типу конечной локализации Z и в зависимости от перемещаемого объекта X. Конечной локализацией могут быть поверхность (как для *стелить*), плотная субстанция (как для *втыкать*), кронштейн (как для *вешать*), транспортное средство (как для *грузить*) и т.д.; что касается перемещаемого объекта, то он может быть вертикальным (как в *ставить*), горизонтальным (как в *стелить*), сыпучим (как в *сыпать*), острым (как в *втыкать*), множественным (как в *грузить*) и др. Понятно, что свойства X и свойства Z не независимы: каждому типу перемещаемых объектов «подходит» свой круг конечных локализаций. Самая простая связь X и Z – функционально-топологическая. Так, для плоского мягкого объекта (ср.: кусок ткани) в качестве конечного пункта наиболее естественна горизонтальная поверхность (*стелить*) или кронштейн (*вешать*), а для острого – плотная субстанция (*втыкать*). В языках мира встречаются и более сложные корреляции: в частности, как показано в [1], типологически релевантна корреляция между Z как контейнером или отверстием и возможностью плотного контакта X с Z – она засвидетельствована, например, в корейском. Предварительный анализ группы русских глаголов показывает, что в русском, в отличие от корейского, эти параметры строго разведены.

Действительно, в русском имеется целый ряд глаголов плотного результирующего контакта (ср. *всадить, засадить, воткнуть, впихнуть* и нек. др.), но они не делают различий между отверстием / контейнером и плотной субстанцией. С другой стороны, имеется глагол *сунуть* и его приставочные дериваты *всунуть, засунуть, подсунуть, просунуть*, которые специально выделяют контейнер как конечную точку Z: в прототипической ситуации объект глагола *сунуть* в результате перемещения попадает в некоторое вместилище, контейнер, и это важнейшая составляющая значения данного глагола. Тем не менее *сунуть* не предполагает плотного контакта X и Z.

Его приставочные дериваты *всунуть* и *просунуть* добавляют указание на то, что размер входного отверстия Z мал по сравнению с X, ср. здесь характерные сочетания *с трудом всунуть / просунуть*, а также *просунуть сквозь что-л.* При этом первое делает больший акцент на том, что объект оказывается в конечном счете в самом вместилище, а второе – что он преодолел отверстие как препятствие (ср.: *всунул / ??просунул ключ в замочную скважину и просунул / ??всунул руку в клетку сквозь узкие прутья решетки*).

Другая пара дериватов – *подсунуть* и *засунуть* – конкретизирует тип контейнера Z. В случае *подсунуть* отверстие образовано опорной поверхностью и находящимся на нем или над ним ориентиром Z ϕ ; так, для *подсунуть под дверь*, Z – это пространство между полом и дверью [Z ϕ]. В случае с *засунуть* прототипическое отверстие образовано задней (или внутренней) поверхностью ориентира Z ϕ и вертикальной поверхностью следующего за ним объекта, ср.: *засунуть за диван* = ‘поместить между диваном [Z ϕ] и стенкой,

у которой он стоит'; ср. также *засунуть за пазуху* = 'поместить в пространстве в районе груди между телом или нательной одеждой и изнанкой верхней одежды'. У самого глагола *сунуть* нет специальных топологических ограничений на тип отверстия или контейнера: контейнер может быть любым, в том числе мягким и достаточно широким, ср. *сунуть в мешок / в корзину*.

Все сказанное свидетельствует, что в значении как *сунуть*, так и его производных и в самом деле отсутствует семантика плотного контакта X и Z: маркируется (и то – производными) лишь трудность проникновения объекта X в контейнер за счет малой величины входного отверстия, но не размер контейнера как такового (ср. *просунул конверт в почтовый ящик*). Однако, что интересно, у этого глагола имеется свое, другое семантическое «дополнение» к идее конечного пункта как контейнера.

Речь идет об особой стилистической маркированности, свойственной *сунуть*, которую можно описать как связанную с идеей небрежности обозначаемого им действия, ср. в формулировке толкования МАС: 'класть небрежно и торопливо'. Именно этим объясняется сниженный регистр дискурса, в котором так часто встречается этот глагол. Ср. примеры (1) – (4), хорошо иллюстрирующие этот тип дискурса. Обращает на себя внимание, что при замене в примерах (1) – (2) *совать* на стилистически нейтральный глагол *класть* пропадает не только идея контейнера, если она не выражена дополнительно, но и теряется нарочитая грубость сказанного – между тем она поддерживается окружающим контекстом, см. в особенности (2), где об этом свидетельствуют и наречие *куда ни попадя*, и сленговые значения лексем *баба* и *тряпка*. Сказанное верно и для примеров (3) и (4), в которых само *совать* представлено в несколько смещенных значениях (см. подробнее раздел 4), нейтральными вариантами к которым будет, соответственно, *предлагать* и *показывать*:

(1) *Не сует / (ср. кладет) прибыль в собственный карман, а вкладывает в развитие производства* [Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда». 2001].

(2) *Деньги куда ни попадя суют* (ср. кладут), *слушая баб: ковры да тряпки* [Борис Екимов. Чикомасов 2001].

(3) *И кого только Инкомиссия вместо меня с Розовым не совала* (ср. предлагала), *французы отказывались принимать* [Алешин. Встречи на грешной земле 2001].

(4) <...> *мои попытки уразуметь, сколько бельгийских или французских франков или дойче марок я должен заплатить за эскимо, не увенчались успехом – продавец совал в нос* (ср. показывал) *калькулятор с несусветной ценой – сто!* [Кучаев. В германском плену // «Октябрь». 2001]

Надо признать, что сходная дополнительная оценочная характеристика значения встречается и у других глаголов группы перемещения руками, ср.: <за>*бросить*, <за>*ткнуть*, <за>*пихнуть*¹, однако для них ее происхождение хорошо прослеживается. Дело в том, что у всех этих глаголов значение 'класть' является вторичным по отношению к исходному. Исходным же для них является либо значение каузации движения (как в <за>*бросить*), либо

¹ О других русских лексемах, эксплуатирующих тот же компонент значения, см. [2].

значение физического воздействия (<за>ткнуть, <за>пихнуть). Оба эти значения могут предполагать сверхусилия каузатора на начальном этапе действия и (в частности, ввиду этого) неполный контроль за его результатом, т.е. конечной точкой перемещения объекта или точкой, на которую происходит воздействие. Понятно, что такого рода неполный контроль легко связывается с идеей неполноты или небрежности действия в целом, а это, в свою очередь, способствует переходу глагола в целом или в отдельных его употреблениях в стилистически сниженный регистр.

Однако с глаголом *сунуть* в этом отношении никакой ясности нет: сниженным является его основное, а не производное значение, т.е. на первый взгляд, само по себе абсолютно нейтральное значение помещения объекта в контейнер. Вопрос в том, *как* и *почему* к нему «добавляется» отрицательная оценка.

3. Семантика *сунуть*, отрицательная оценка и стилистическая сниженность

По нашей гипотезе, особенность *сунуть* в том, что в той части своего значения, которая касается перемещения руки, держащей объект X, этот глагол обозначает так сказать «возвратное» движение. В лингвистике хорошо известен термин «возвратно-поступательное движение», оно соотносится с итеративным движением туда – обратно, ср. «классический» в этом отношении пример глагола *снова́ть*. В случае с *сунуть* итеративность не предполагается: обычно возврат движения происходит однократно, поэтому нам пришлось редуцировать стандартный термин и, чтобы он не смешивался с возвратными глаголами, взять его в кавычки. Итак, в прототипическом употреблении нашему глаголу можно дать примерно следующее толкование: ‘субъект помещает X, который находился у него в руке, в контейнер Z – и вынимает руку из контейнера’. Пример (5), ввиду специфики такого контейнера, как печка, хорошо иллюстрирует сказанное:

(5) *И огонь, и электричество суть разновидности энергии, но вольтметр не суют в печку, а термометр не втыкают в розетку* [Максим Соколов. Бинарное оружие. // «Известия», 02.05.2003].

В (5) с использованием глагола *сунуть* обсуждается возможность такой ситуации, при которой вольтметр (X) сначала находится в руке некоего обобщенно-личного субъекта, а потом попадает в печку (Z). Важно, что при этом X не летит по воздуху (как это было бы, если бы автор употребил глагол *бросать*), практически все время своего движения он находится в руке субъекта, который доносит его как минимум до той точки, когда часть X, которая непосредственно сжата в руке, оказывается у входного отверстия печи. Если при этом большой фрагмент X заведен в печку как в емкость, то, чтобы достичь результата ‘X в Z’, останется только разжать руку – и быстрее убрать ее подальше от горячей печи (то самое «возвратное движение»), не заботясь о дальнейшей судьбе X.

Конечно, компонент «возвратного» движения хочется рассматривать как импликатуру: ведь то, что в результате описанного глаголом *сунуть* события человек не остался с рукой, навсегда опущенной в контейнер (в последнем примере просто в печке!), вполне естественно и можно было бы отнести за счет прагматики ситуации. Однако, по-видимому, дело обстоит не так про-

сто: в отличие от других представителей таксономического класса перемещения объектов руками, которые, естественно, все имеют такую импликатуру, *сунуть* делает особый семантический акцент на этом компоненте, «профилируя», в терминах Р. Лангакера, не (или по крайней мере не одно только) результирующее положение объекта X в контейнере Z, а движение руки субъекта, которое <прототипически> возвратно. В самом деле, если описываемое событие таково, что главный семантический акцент все-таки приходится на Z, то используется нейтральное *положить*, а не маркированное *сунуть*. Ср. распределение вариантов *она положила / сунула мясо в кастрюлю* относительно разных ситуаций: когда речь идет о варке супа, в которой главное – чтобы мясо (X) попало в кастрюлю (Z), то вариант с *сунуть* невозможен; с другой стороны, *сунуть* возможно, когда мясо положили, например, размораживаться, так что его конкретная локализация Z совершенно не важна для субъекта.

Обратим внимание, что похожую семантику «возвратного» движения, причем тоже с семантическим акцентом на этом компоненте, имеет в русском языке целая группа глаголов типа *сбегать (в магазин)*: ‘добежать и вернуться обратно’ – ср. *пойти (в магазин)*, где «возвратность» движения не профилирована и движение субъекта назад действительно следует из семантики ситуации как прагматическая импликатура.

Таким образом, в принципе, данная особенность семантики *сунуть* не вполне уникальна, но благодаря ей у этого глагола возникают интересные свойства, косвенно подтверждающие ее значимость.

Во-первых, это способность *сунуть*, ввиду малой значимости для него конечной локализации X, «не заботиться» о результирующем контакте X с дном контейнера как с поверхностью, в отличие от таких глаголов перемещения руками, как *положить* или *поставить*. Последние тоже могут иметь в качестве Z контейнер, но только если X в конечном счете входит в контакт с его дном. Благодаря этому свойству именно *сунуть* допускает в качестве Z отверстие, которое в этом случае интерпретируется как «вход» в контейнер, ср. *сунул письмо в щель почтового ящика, мусорный мешок в дыру в заборе, ключ в замочную скважину* и проч. Ср. невозможность в такого рода контекстах замены *сунуть* на более общие *положить*, *поместить* и др.: **положил / поместил в щель, дыру, скважину*.

Во-вторых, способность *сунуть* описывать не только перемещение объекта в руке, но и движение «пустой» руки – ведь если результирующая локализация объекта X не значима, а значимо только движение руки, можно легко удалить X из числа участников ситуации, оставив в качестве объекта саму часть тела. Таким образом, *сунуть* является довольно естественным предикатом, описывающим перемещение руки, а также и любой другой вытянутой части тела относительно контейнера. Ср. *сунуть (*положить /*поставить /*воткнуть...) руку в дупло, ногу в холодную воду, голову в пасть льва, хвост в прорубь, клюв в кувшин* и проч. Действительно, движение частей тела, как правило, во-первых, «возвратно», а во-вторых, часто не ориентировано на дно контейнера, поэтому глагол *сунуть* оказывается для них просто незамеченным.

Довольно заметным (в том числе в силу своей частотности) исключением в этом отношении является сочетание *положить руку в карман*, свободно конкурирующее с *сунуть руку в карман*. Однако при более внимательном взгляде обнаруживается, что эта конкуренция лишь подтверждает наше правило. *Положить руку в карман* устроено так же, как *положить в карман деньги, носовой платок или пистолет*: во всех этих случаях предполагается контакт объекта с «дном» кармана, и *рука* просто обозначает один из таких объектов. Но и карман может быть слишком глубоким, и контакт с «дном» кармана может быть не важен для субъекта, если он, например, ничего из него не достает, а просто прячет руку от холода – поэтому у говорящего есть возможность употребить в такого рода контекстах не только *положить*, но и *сунуть*, причем как для *руки*, так и, в соответствующей ситуации, для *носового платка* или *пистолета*. Зато метонимически возможно только: *сунул руки в брюки*, а не *положил* (т.е. в том же значении 'положить в карман', но в условиях, так сказать, «отсутствия дна»).

Наконец, третье, самое важное свойство *сунуть* – это как раз его стилистическая маркированность. С нашей точки зрения, оно тоже связано с «возвратностью»: раз профилированным оказывается возвратное движение, а не конечная точка движения, у глагола возникают коннотации недостаточной целенаправленности и контроля, неполноты действия и даже временности результата¹. Отсюда значение своего рода неполноценности ситуации в целом, которое и является базой для отрицательной оценки и стилистической сниженности.

Одновременно сама по себе отрицательная оценка становится настолько существенным компонентом значения *сунуть*, что представления о Z исключительно как о контейнере могут в определенном случае и расширяться, ср. (6) – самый ранний пример НКРЯ, в котором Z является поверхностью и где отчетливо выражена отрицательная оценка говорящего по отношению к событию:

(6) <...> «влезла свинья в хату, да и лапы сует на стол», сказал голова, гневно подымаясь с своего места [Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832)].

Понятно, что в употреблении такого рода *сунуть* предстает как своего рода обобщенный глагол перемещения руками, но такого перемещения, которое совершено небрежно, как попало, безо всякого внимания к конечному местоположению объекта. Таково стилистическое развитие значения *сунуть*, и оно, как было показано, обеспечивается компонентом «возвратности» в его семантике.

4. Стилистическая сниженность в дериватах *сунуть*

Теперь перейдем к обсуждению словообразовательных дериватов *сунуть*.

4.1. Обнаруживается, что приставочные дериваты (*всунуть, засунуть, подсунуть, просунуть*) в своих прямых значениях отрицательных коннотаций, свойственных *сунуть*, лишены, и это не случайно. Дело в том, что их вклад в глагольную семантику касается, как мы отмечали выше, специфика-

¹ Ср. здесь характерный пример с эффектом аннулирования результата: *сунул Грека руку в реку – рак за руку Греку цап* ('только поместил в контейнер, как должен был вынуть обратно').

ции Z, точнее, размера отверстия или типа контейнера. Тем самым, модифицируя семантику *сунуть*, его приставочные корреляты как раз, в отличие от исходного глагола, делают акцент на результате перемещения объекта, одновременно полностью теряя идею «возвратности» движения. Поэтому они и оказываются стилистически полностью нейтральны, ср.: *подсунуть* [**подложить*] *бумаги под дверь, всунуть / вдеть нитку в игольное ушко* и др.

Любопытно, что два из этих четырех глаголов, а именно *засунуть* и *подсунуть* все-таки развивают стилистически маркированные значения: *засунуть*, в этом случае значит что-то вроде: ‘положить объект слишком далеко, а *подсунуть* – ‘дать реципиенту нечто втайне от него и вопреки его воле’. Основной «вклад» в эти значения вносят приставки. Действительно, русская приставка *за-* сама по себе имеет значение своего рода «сверхполноты» действия (ср. *заработался*), а с глаголами движения – сверхудаленности, см. подробнее [3, 4]. В частности, в контексте наречия *слишком далеко* употребляются именно глагольные формы с приставкой *за-*, ср. *слишком далеко заплыл, залетел, завел, закинул* и проч. Тем не менее можно считать, что и исходная отрицательная оценка *сунуть* тоже играет в формировании оценочного *засунуть* некоторую роль. Ведь слишком удаленное положение объекта в случае *засунуть* объясняется не целенаправленной деятельностью субъекта, а, наоборот, его невнимательностью к результату действия (свойство *сунуть!*), своего рода беспечностью, ср. характерное: *засунул так, что потом сам найти не может*.

Что касается *подсунуть*, то в его вторичной интерпретации тоже «виновата» прежде всего приставка: локализация типа SUB представляет зону невидимого говорящему и поэтому метафорически легко развивает значения тайного, скрытого, запретного, незаконного и под., ср. *подслушать, подделывать* и др.; подробнее см. [5]. Именно такое значение – тайного и в некотором смысле незаконного действия развивает и переносное *подсунуть*. Однако исходным для этого значения (в отличие от обычного, которое реализуется в пространственных сочетаниях типа *подсунуть под дверь*) является не прямое, связанное с перемещением объекта, а переносное, связанное со сменой possessора и тоже с отрицательной оценкой (подробнее об этом сдвиге в семантике *сунуть* мы будем говорить в следующем разделе). В самом деле, *подсунуть* – это, грубо говоря, то же, что ‘тайно дать’. Таким образом, и здесь обнаруживается, что в определенном отношении «ответственность» за стилистическую маркированность деривата все-таки несет и исходный глагол.

Все это, однако, несколько не дезавуирует нашего прежнего утверждения о том, что приставочные корреляты не наследуют стилистику *сунуть*, потому что не наследуют его «возвратность». Это верно, если говорить об их прямых значениях, с пространственными приставками, потому что у них, как мы говорили, значение приставки становится фокусом значения всей лексемы. Если же значение приставки метафоризируется, т.е. радикально меняется, то меняется и структура значения производной лексемы в целом. В частности, поскольку приставка сама непосредственно (как *под-*) или косвенно (как *за-*) выражает отрицательную оценку, то ей естественно «искать опоры» (другими словами, семантического согласования) в отрицательности базового глагола, даже и игнорируя исходную идею «возвратности».

4.2. Рассмотрим теперь особенности суффиксального деривата на *-ся* – *соваться* ~ *сунуться*; здесь ситуация со «стилистическим наследованием» гораздо интереснее. Начнем с того, что класс перемещения объекта руками не дает единой модели интерпретации морфологически рефлексивных форм. Поэтому среди результирующих значений в этом классе встречаются и декаузативы, как *сыпаться* (ср. *с неба сыпался мелкий снег*), и автокаузативы, как *бросаться* (ср. *он бросился к ней на помощь*), в том числе сильно идиоматизированные (ср. *положиться на случай*), и объектные имперсоналы, как *пихаться* (ср. *да не пихайся ты!*), и собственно рефлексивы, как *повеситься*, и так называемые расширенные рефлексивы, как *грузиться* (ср. *мы погрузились на корабль* = ‘погрузили свои вещи’)¹. Место *соваться* в этом разнообразном ряду не так уж однозначно.

Самая очевидная гипотеза – рефлексив (\approx ‘совать себя’), или расширенный рефлексив, если интерпретировать эту форму как «стяжение» устойчивого оборота *совать нос*, так что ‘соваться’ = *совать свой нос* <езде> / <в чужие дела>, т.е. ‘интересоваться чужими делами / вникать в них’. Фразеологизм этот довольно давно засвидетельствован – по крайней мере с середины XIX в., ср. следующие примеры из НКРЯ:

(7) *Критике нечего тут совать свой нос и перо свое* [П.А. Вяземский. Старая записная книжка (1830–1870)].

(8) *Есть, наконец, люди которые не любят скакать и вертеться попустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой нос, где его вовсе не спрашивают* [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]².

В его семантике легко проследить и «возвратность движения» (нос сначала просовывают, а потом убирают, как бы пробуя проникнуть в чужое пространство), и отсутствие результата (нереализованную попытку), и поддержанную контекстом отрицательную оценку, восходящую к семантике *совать*. Все эти семантические свойства сохраняются и в довольно продуктивных конструкциях с рефлексивным *соваться*:

соваться в чужие дела / в какое-то дело / во что-л.,

соваться к кому-л. с чем-л. [‘пробовать обращаться к кому-л.’],

лучше не соваться [‘не пробовать’], ср. следующие примеры из НКРЯ:

(9) *Самый главный грех – соваться в чужие дела, а писатели никогда не должны соваться в чужие души, нет, ни в коем случае* [Шаламов. Дневники (1954–1979)].

(10) *И какая у тебя должна быть совесть, что в это дело соваться пятой спицей в колеснице?* [Кнорре Федор. Родная кровь (1962)].

(11) *Если честно, не стоит тебе к нему соваться* [Олег Дивов. Выбровка (1999)].

¹ Подробнее о классификации рефлексивных значений см. [6, 7, 8, 9] и др.

² Отметим, что XX в. на базе этого фразеологизма развивается новый (тоже стилистически маркированный) со стандартной фактитивной каузацией: *совать* <кого-л.> *носом* <во что-л.> со значением ‘грубо предъявлять нечто контрагенту’, ср.: *И весь «этот народ», и отдельные его представители <...> сами повинны в своем нынешнем социальном положении; их постоянно суют носом в их «проклятое прошлое», что должно внушить им комплекс неполноценности и отерать от протеста <...>* [Александр Панарин. «Наш современник», 2003]. Ср. также обсуждаемое в 4.2. *совать под нос*.

Однако оказывается, что с семантикой *совать* дело обстоит не так просто. Дело в том, что в XIX в. фразеологизм *совать нос*, как мы видели, имел то же значение, что и теперь, в то время как глагол *совать*, как выясняется, употреблялся несколько иначе. Как свидетельствуют примеры НКРЯ, его значение было близко к современному пространственному *высовываться*, т.е. ‘выходить (вперед) из общего ряда’ – не случайно в этом качестве оно часто использовалось вместе с наречием *вперед*, ср. (12):

(12) *Когда батюшка мой заложил пегую лошадку нашу в телегу, чтобы отвезти меня, Левка пришел опять к плетню, он не совался вперед, а, прислонившись к верее, обтирал по временам грязным спущенным рукавом рубашки слезы* [А.И. Герцен. Доктор Крупов (1846)].

(13) *Она столько раз принималась целовать и крестить Володю, что – полагая, что она теперь обратится ко мне, – я совался вперед; но она еще и еще благословляла его и прижимала к груди* [Л.Н. Толстой. Детство (1852)]¹.

Ср. также (14):

(14) *<...> кричала она, замахиваясь, и вся пернатая толпа влет разбрасывалась по сторонам, а через минуту опять головки кучей совались жадно и торопливо клевать [т.е. ‘птицы выходили вперед, чтобы клевать’], как будто ворую зерна.* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)].

Эти и другие примеры свидетельствуют, что по крайней мере в XIX – начале XX в. стилистически *совать* было значительно более нейтрально и по сравнению с *совать нос* в тот же период, и, конечно, по сравнению с современным *совать*. Например, этот глагол легко встретить во вполне официальных текстах, а также у авторов, которых трудно заподозрить в использовании сниженного дискурса, ср. (15–17):

(15) *Что заставляет вас соваться в такое рискованное дело и брать добровольно на свою ответственность?* [Э.И. Стогов. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I (1870–1880)]

(16) *После этого случая я долго никуда не совался, пока в 1902 году меня не направили к В. Никольскому, редактировавшему тогда вместе с Репиным студенческий сборник* [А.А. Блок. Автобиография (1915)].

(17) *И как индивидуальное лицо я не имел никаких оснований соваться в ее недра и в ее распоряжения.* [Суханов Н.Н. Записки о революции (1918–1921)], ср. также в вежливом вопросе (18):

(18) *Удобно ли соваться?* [Катаев В.П. А+В в квадрате (1917)].

В связи с этим стоит задуматься об исходной степени стилистической маркированности сочетаний, которые с сегодняшней точки зрения воспринимаются как безусловно оценочные, такие как *совать* под пули или известная поговорка *не зная броду не суйся в воду*. Вполне вероятно, что в свое время и они воспринимались совсем не так агрессивно, как сегодня, – переводя

¹ Любопытно, что наряду с чисто пространственным, в тот же период и с тем же наречным определением *вперед* форма *сунуться* используется в переносном значении, которое, как и исходное пространственное, на современный русский «переводится» приставочным *высовываться* и значит ‘привлекать к себе излишнее внимание’, ср.: *И что это за человек, – продолжал боярин, глядя на Годунова, – никогда не суется вперед, а всегда тут; никогда не прямит, не перечит царю, идет себе окольным путем, ни в какое кровавое дело не замешан, ни к чьей казни не причастен* [А.К. Толстой. Князь Серебряный (1842–1862)].

на современный язык, получилось бы что-то совсем «мирное», вроде *идти вперед под пули* или *не входи в воду, если не знаешь, где брод*¹. Ср пример (19) на *соваться в огонь* 70-х гг. XIX в., с явно положительной оценкой ситуации, невозможной в такой конструкции в языке XXI в.:

(19) *Пожар ли случится, Никифор первый на помощь прибежит, бывало, в огонь так и суется, пожитки спасаючи, и тут уж на него положиться было можно: <...> с пожара железной пуговицы не снесет* [П.И. Мельников-Печерский. В лесах (1871–1874)].

Был и еще один утерянный сегодня класс контекстов *соваться*: они описывали беспорядочное движение растерянных людей, не знающих, что именно делать, ср. ремарку из пьесы Сухова-Кобылина: *Берет себя за голову и суется по комнате*. Их характерным маркером выступает, в частности, *из угла в угол* – в современном русском языке характерное для бесцельного движения², а также сохранившийся до сих пор фразеологизм *как угорелые*, который свидетельствует о быстроте и стремительности беспорядочного движения, соответствующего такому *соваться*; согласно [11] в современном русском этим контекстам соответствуют, а значит, служат для них своего рода «переводными эквивалентами» *бегать, носиться, метаться* <как угорелый>. Ср. также (20, 21):

(20) *Генеральша лежала в обмороке; генерал совершенно потерялся; <...> люди совались без толку из угла в угол, как сумасшедшие; доктора перебежали от генеральши к генералу* [И.И. Панаев. Опыт о хлыщах (1854–1857)].

(21) *Слуги и за обедом суются как угорелые, сталкивают друг друга с ног, беснуются и вдруг становятся неподвижно и глядят на вас, прося глазами приказать что-нибудь еще* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)].

Как видим, оба утраченных в современном языке типа употребления *соваться* соотносятся скорее с движением, а не с местоположением, и в этом отношении исторически оказываются семантически ближе тому семантическому типу рефлексивизации, который представляет пара *бросать–бросаться* (автокаузация), чем *вешать–вешаться* или *грузить–грузиться*. Если же учесть еще и то обстоятельство, что, по-видимому, *совать нос* и *соваться* сосуществовали в XIX в. вполне независимо, причем первое как оценочное, а второе как нейтральное, рефлексивная гипотеза становится довольно уязвимой и, вообще говоря, может уступить место автокаузативной.

5. Стилистический аспект семантических сдвигов

У глагола *сунуть* в современном языке имеется несколько производных значений: значение смены possessора, физического воздействия и каузации восприятия; они выступают в следующих конструкциях:

сунул ему два рубля [= ‘дал’];

¹ В том же ряду фразеологизованных сочетаний с *соваться*, постепенно «пониживших» свою стилистику, по-видимому, оказывается и *соваться куда-л. с чем-л.*, ср. здесь показательный пример, где оно выступает в полностью нейтральном описательном контексте и безоценочно: *Он всюду совался с своим фрегатом (что-то вроде: ‘всюду бывал’); между прочим, заходил и в Корею, описал островок Гамильтон, был на соседнем большом острове Квельпарт, где, говорит он, есть города, крепости и большое народонаселение* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)].

² Ср. *слоняться из угла в угол* (только о медленном движении); ср. также «живой» возвратный глагол *тыкаться* в том же употреблении, что и устаревшее *соваться*: *тыкаться из угла в угол*.

сунул под нос [= ‘показал’];

сунул в рыло [= ‘ударил’].

Задача, которую мы будем решать в этом разделе, – определение степени и природы их стилистической маркированности.

Рассмотрим по очереди каждую из конструкций.

5.1. Как нам представляется, *сунуть* в значении ‘дать’ на самом деле реализует свою основную семантику – все ту же идею перемещения объекта в контейнер, только в качестве контейнера в этом случае всегда выступает рука реципиента: речь идет о ситуации, когда объект помещают реципиенту прямо в ладонь, ср. (21).

(22) *Он просто совал мне в руку красную бумажку и крайне удивился, когда я объявил ему, что дело сделается и без этого* [Корф Модест. Из дневника (1838–1839)],

Совершающий это действие субъект быстро убирает руку (как и положено для «возвратного движения»), и, таким образом, семантический сдвиг достигается простым сужением исходного значения. По-видимому, развитие данной конструкции с *сунуть* так и происходило: в примерах из литературы XIX в. сначала засвидетельствовано только посессивно-локативное *совал кому-л. в руку* (т.е. с указанием «квази-контейнера»), и только приблизительно с 50-х гг. начинают попадаться примеры, так сказать, чистого трансфера: с прямым адресатом без упоминания руки как контейнера, т.е. с опущенной – и впоследствии утраченной – локализацией. Ср. (23), первый по времени из найденных примеров такого рода:

(23) *Что ты мне суешь карту?* [И.И. Панаев. Опыт о хлыщах (1854–1857)].

Контексты типа (24) свидетельствуют о том, что уже тогда эти употребления воспринимались как несущие отрицательную оценку:

(24) *Ванька бежит из лакейской и подает на подносе стакан с пенящимся квасом. Но Кондратию Трифонуичу кажется, что он не подает, а сует. – Что ты суешь? что ты мне суешь? — вскидывается он на Ваньку* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Наш дружеский хлам (1858–1862)].

Принимая, что данное значение восходит к идее руки как контейнера, мы можем ожидать естественных ограничений на размер передаваемого объекта: он должен быть сопоставим с величиной ладони, ср. (24–25):

(25) *В это же самое время суют мне в руку записку <...>* [И.С. Никитин. Письма (1853–1861)].

(26) *Привезли апельсинов, еще чего-то; приехала прачка, трактирищица; все совали нам в руки свои адреса, а я опустил в карман своего пальто еще две карточки, к дюжинам прочих, приобретенных в Англии* [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]¹.

Но самым распространенным объектом передачи здесь оказываются денежные купюры, так что *сунуть* с учетом других особенностей его семантики, и прежде всего «возвратного» движения и отрицательной оценки, посте-

¹ Ср. здесь вполне предсказуемое развитие трансферного употребления с таким объектом, как бумага: *<...> вон смотри, мне суют на подпись еще особый счет в шестьсот рублей <...>* [Н.С. Лесков. На ножах (1870)]

пенно приобретает устойчивое значение ‘дать взятку’. Оно устанавливается еще для локативно-посессивных контекстов, по крайней мере с 50-х гг. XIX в., ср.: *А сам всё деньги сует в руку* [В.А. Соллогуб. Старушка (1850)], а затем переходит на трансферные. Между тем Н.В. Гоголь в «Мертвых душах» – см. (27) – дает пример интерпретации *сунуть* как ‘дать взятку’ для полностью изолированного употребления этого глагола, без единого выраженного аргумента (исключая субъект) – а ведь это первая половина XIX в.!

(27) *А вот пусть к тебе повадится черт подвертываться всякий день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам сует* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

На основании данного материала можно утверждать, что и формирование значения передачи объекта (ставшего основой для приставочного *подсунуть*, см. предыдущий раздел), и превращение этого значения в частично идиоматизированное ‘дать взятку’, сохранившее и укрепившее и отрицательную оценку исходного *сунуть*, и его стилистическую сниженность, завершилось в русском языке уже в середине XIX в.

Любопытно, что наряду с общим трансферным значением у *сунуть* есть еще одно, более частное – тоже сниженное и тоже дожившее до наших дней. Речь идет о семантике навязывания нежелательного объекта, в наших примерах – человека, для общения или на службу:

(28) *Я кричу: дайте мне человека, чтоб я мог любить его, а мне суют Фалалея!* [Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)].

Замечательно, что и здесь более ранний пример находится у Гоголя:

(29) *<...> да и тут в распределении этой суммы еще не все члены согласны между собою, и всякий сует какую-нибудь свою куму* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

Понятно, что в этом случае полностью отсутствует «возвратность», зато сохраняются неполнота действия (навязанное, оно не принято окончательно и отвергается), а также отрицательная оценка и стилистическая сниженность.

5.2. Значение *сунуть* как ‘показать’ тоже развивается на базе метафоры контейнера, только контейнером выступает не рука, а пространство вблизи лица экспериенцера, в большинстве случаев суженное до области под носом – ср. *совать под нос / в нос*. Такая пространственная зона выбирается прежде всего как нарочито грубая (*нос*, как название части тела, сам по себе характеризует сниженность дискурса). Область под носом расположена близко от глаз, так что если объект находится в этой зоне, его нельзя не заметить. Правда, одновременно его нельзя и рассмотреть: он оказывается слишком близко к глазам, и в этом тоже нарочитая бестактность ситуации, которая обеспечивает и отрицательную оценку, и грубость сказанного, что обычно поддерживается общим контекстом – ну и, конечно, исходными оценочными характеристиками самого опорного глагола *сунуть*, ср:

(30) *С какой это стати читатель будет к тебе благосклонен, если ты позволяешь себе <...> то и дело совать ему под нос плоды своего разума?* [Васильева Светлана // «Октябрь». 2001]¹.

Примеры такого употребления *сунуть* довольно регулярно появляются в литературе с 70-х годов XIX века, когда разговорный дискурс начинает более свободно проникать в художественную прозу из журналистики, ср. пример из Н.А. Лейкина:

(31) *<...> и очнулся только у Публичной Библиотеки, где мальчишка газетчик совал мне под нос номера газет* [Лейкин Н.А. Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова (1874)].

Но первый подобный пример встретился нам опять-таки у Гоголя, и много раньше:

(32) *Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже "перепишите" <...>, как употребляется в благовоспитанных службах.* [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)]

5.3. *Сунуть* в значении ‘ударить’ представляет на первый взгляд совершенно неожиданное употребление нашего глагола. Между тем, контексты с такой семантикой встречаются, судя по данным корпуса, не только в современном разговорном дискурсе, ср. (33), так и в (тоже разговорной) речи XIX – начала XX в., ср. (34):

(33) *Извернувшись на руках державших его парней, как на брусках, он неожиданно, по-мужски **сунул кулаком** капитану под подбородок* (Доценко, 1993); *<...> я нацупал кирпич и двинул ему по руке, после чего он просто **сунул кулаком** под дых и я покатился <...>* (Минаев, 2001).

(34) *<...> звонарь <...> совал наудачу сжатыми кулаками, стараясь попать в кого-нибудь из бежавших* (Короленко, 1886–1898); *<...> татарин <...> нервно совал штыком во всякого, кто к нему приближался* (Куприн, 1905); *Иван Иванович не давался, бестолково совал руками <...>*. (Арцыбашев, 1910–1912).

Любопытно, что несмотря на очевидное семантическое и синтаксическое сходство (управление творительным инструмента) эти группы примеров, видимому, имеют и разную структуру, и разное происхождение.

Так, (34) воплощает исходное, свойственное еще древнерусскому, значение ‘выдвигать вперед или в сторону’. Объектом его, как и у многих глаголов «двигательного действия» (в терминологии В.Б. Крысько, см. [10. С. 122–133]), служит инструмент или часть тела, со стандартной кодировкой творительным (Там же), при том что цель движения может быть и не выражена (как у Арцыбашева или Короленко), таким образом, значение ‘ударить’ (невозможное без целевого аргумента) возникает здесь исключительно имплицитивно.

Наоборот, новые контексты типа (33) имеют уже исключительно узкое, «боевое» значение: для них обязательна цель и ограничен инструмент: *кулак* (ни *нога*, ни *локоть*, ни *колено* в этой роли не встречаются) – этим и объясня-

¹ Ср. также более маргинальный пример с *совать в лицо* (вместо *в нос*) – с тем же значением: *Прежде всего я просил бы вас не совать мне в лицо бумаг ваших и не кричать на меня, – я не подчиненный вам и повторяю вам, что тут никаких нет плутней <...>*. [Писемский А.Ф. Ваал (1873)].

ется тот факт, что ни один контекст из (34) не может быть признан правильным в современном русском языке.

Понятно, что исторически естественнее всего представлять дело так, что современные контексты получались постепенным сужением исходных, но у сегодняшних носителей эта связь совершенно утрачена, потому что утрачены все звенья полисемии, на которых она бы держалась (например, производное существительное *сулица* в значении ‘палица’ и др.). Более того, анализ корпусных данных свидетельствует, что «старое» значение уходит уже к началу XX в., а «новое» появляется в нескольких примерах стилизованных текстов 30–50-х гг. (Бажов, Шишков, Герман) и затем в 1990–2000-е гг. Таким образом, получается, что сдвиг семантики происходит не постепенно, как это обычно бывает – с достаточно длительным периодом одновременного использования обеих возможностей, а резко и даже с существенным временным «провалом» между разными употреблениями.

На этом фоне есть большое искушение предположить, что семантической базой (33) служит не столько исторически предшествовавшее ему, но полностью утраченное (34), сколько та группа сосуществующих с (33) во времени употреблений, в которой объектом тоже является рука: *сунуть руку в карман* – правда, еще не приспособленная для удара и не «преобразованная» в кулак. Тогда, как и для других фразеологизмов с *сунуть*, мотивирующим компонентом значения здесь является каузация движения, а не местоположения – он и обеспечивает (или как минимум поддерживает) возможность управления творительным: *сунул кулак_{Acc} <в карман>* – *сунул кулаком_{Instr} <в ухо>*. Нашу гипотезу вторичной мотивации поддерживает и то, что очень похожую пару в русском образуют (с)двинуть стул_{Acc} ‘каузация движения’ – *двинуть кулаком_{Instr} в морду* ‘удар’, ср. (35):

(35) *В курилке, где он только присел с ребятами, появился Дробышев и молча двинул ему кулаком под дых <...>* [Василь Быков. Волчья яма (1999) // «Дружба народов», 15.07.1999].

С теоретической точки зрения в обоих случаях мы наблюдаем семантический сдвиг, который связан со сменой таксономического класса и маркирован синтаксически. Подобный сдвиг, приводящий к полной перестройке всех свойств слова, мы называем *ребрендингом*¹. Как и прочие лексемы, претерпевшие ребрендинг, *сунуть* демонстрирует здесь сложную комбинацию метонимического преобразования, отражающегося на синтаксических отношениях участников описываемой ситуации (коротко говоря, понижение прямого объекта) и метафоры, позволяющей уподобить воздействие типа ‘ударить’ каузации движения (*сунуть*). Задача метафоризации в данном случае – ослабить значение физического воздействия, «подменив» его сопутствующим ему движением руки, причем, как мы помним, нецеленаправленным и вообще довольно небрежным. В принципе, в этом случае можно было говорить и о совершившейся метонимической замене *часть – целое*, но эффект метафоры, т.е. совмещения одной ситуации с другой, здесь, безусловно, тоже присутст-

¹ Без использования этого термина, но с подробным анализом сути дела этот процесс рассматривается в [12, 13] на примере глагола *жать*; другие эффекты ребрендинга описаны нами на материале глагольных метафор боли в [14] и [15], а также на примере прилагательных [16].

вует, отражая своего рода *девалоризацию*, т.е. снижение ценности события. Для нас он особенно важен – и вот в каком отношении.

Хорошо известно, что гипребола, представляющая своего рода «*сверхвалоризацию*», свойственна произведениям возвышенного стиля – одам, гимнам и проч. Что же касается *девалоризации*, то она, наоборот, как кажется, характерна, для сленга, т.е. сниженного дискурса. Ср. здесь классические примеры типа *мокрое дело* вместо *убийство*, *свистнуть* вместо *украсть* и т.п. Таким образом, в результате ребрендинга, т.е. метони-метафорической перестройки, достигается дополнительный стилистический эффект, свойственный сниженному дискурсу. Это очень существенное обстоятельство: чтобы объяснить грубую сленговость выражений типа *сунул в ухо* опоры на исходную стилистику и семантическую оценку *сунуть* совершенно недостаточно, тем более что в процессе сдвига, как мы видели, часть его первоначальных свойств просто утрачивается. Объяснение смены стилистического регистра приходит из анализа самого процесса лексической перестройки, которая, как выясняется, выполняет в том числе и такую задачу.

Суммируем сказанное: данный сдвиг значения глагола *сунуть* действительно семантически нетривиален – по сравнению с другими рассмотренными выше. Но одновременно он и предсказуем, в том смысле, что и механизм, и историю этого сдвига можно проследить, а также в том смысле, что они, как оказывается, мотивированно подчиняются некоторым более общим правилам – наряду с другими, сходными по своим семантико-синтаксическим свойствам лексемами русского языка.

6. Заключение

В этом разделе мы хотели бы сформулировать результаты предпринятого семантико-стилистического анализа глагола *сунуть*, а также его дериватов и его производных значений – в соответствии с теми вопросами, которые мы обсуждали, и одновременно обсудить некоторые теоретические аспекты нашего исследования. Вопросов было три:

«Вычислима» ли стилистика *сунуть*?

Наследуется ли она при словообразовании?

Влияет ли она на развитие новых значений?

Говоря совсем коротко, ответы на все эти вопросы оказались скорее положительными, и это легко было предположить заранее. Главное – детали. Как кажется, детали проведенного лексикологического анализа говорят о том, что стилистические особенности лексемы *сунуть* (а мы позволим себе предположить, что и других лексем) не просто *мотивированы* семантикой, но образуют с ней – и другими (морфологическими, синтаксическими и под.) свойствами этого слова – единое целое. И наравне с другими свойствами они участвуют в процессах морфологической и семантической деривации.

Действительно, глагол *сунуть* не очень похож по своему поведению на большинство глаголов своего таксономического класса ‘перемещение объекта руками в точку Z’, потому что он делает больший акцент на движении объекта, чем на «пункте прибытия» (в англоязычной терминологии – “Goal”). Причина смещения акцента в том, что *сунуть* описывает более сложное, чем обычно, а именно, «возвратное» движение руки субъекта: грубо говоря, важно не куда положил, а что сразу убрал руку. А следствия, как мы показали в

разделе 3, самые разные, например возможность описывать «возвратное» движение руки или другой вытянутой части тела самой по себе (*сунуть руку в карман*). Это следствие напрямую касается семантической структуры глагола и ограничений на его аргументы, тем самым оно формализуемо, т.е. сегодня существует методика его фиксации на условном метаязыке. Но есть и другие следствия, другой природы. К ним относится идея недостаточной контролируемости и целенаправленности, своего рода неполноценности действия, и ввиду этого отрицательной оценки и стилистической сниженности. Дело не в том, что информация такого рода хоть как-то «хуже» или «слабее», чем та, что касается семантической структуры, или что она обладает меньшей значимостью. Неправильность, с которой столкнется слушающий, если ему предъявят предложение, построенное с нарушением этих плохо формализуемых свойств, нисколько не лучше нарушения других, формализуемых, ограничений, и (33):

(33) *Он положил ногу в воду

звучит ничуть не более странно, чем (34) или (35):

(34) *Мать сунула ребенка в кроватку и заботливо накрыла одеяльцем

(35) *Господин посол сунул новому президенту США приветственный адрес.

Дело, конечно, в другом. Формализуемая сегодня информация относится по большей части к определенным *фрагментам* семантической структуры; в принятых в лингвистике моделях описания эти фрагменты теоретически могут получать какие-то характеристики. Развитие лингвистики происходит таким образом, что количество необходимых для адекватного представления структуры предложения характеристик все время растет и они становятся более разнообразными: сегодня некоторые теории позволяют зафиксировать даже семантический акцент на том или ином аргументе. Плохо формализуемой остается информация, которая приписывается сложной языковой единице *в целом*, а стилистическая маркированность представляет свойство как раз такого рода. В содержательном отношении ближайшим к нему свойством является отрицательная оценка, но она как раз касается *фрагмента* семантической структуры, так как характеризует говорящего, поэтому для нее определено формальное место – в модальной рамке высказывания. Однако оценка заведомо не тождественна стилистической маркированности, и пока мы не знаем, в какой степени они коррелируют друг с другом. Ясно лишь, что многие из лексем, свойственных сниженному дискурсу, характеризуются отрицательной оценкой, но такие явно отрицательные глаголы, как *клеветать*, *манипулировать*, *витийствовать*, могут, как легко видеть, характеризовать не только нейтральный, но и возвышенный стиль.

Конечно, можно всю неформализуемую информацию просто игнорировать, как собственно, и делается в большинстве формальных моделей языка – по принципу «искать удобнее там, где светло». Но этот путь не ведет к развитию лингвистического знания. Гораздо продуктивнее, на наш взгляд фиксировать все возможные связи «нестандартной» (в нашем случае – стилистической) характеристики языковой единицы с другими ее свойствами, что, собственно, и являлось предметом настоящей работы на материале глагола *сунуть*. Нам кажется, что такая работа в конце концов поможет разобраться с

природой стилистической маркированности и выработать метаязык, на котором о ней можно говорить.

Теория, в рамках которой можно говорить о таких связях, есть – это Грамматика конструкций Ч. Филлмора (см. прежде всего [17, 18, 19, 20]). Ввиду сказанного выше сейчас для нас важен не ее формализм, а ее, если так можно сказать, философия. Философия этой теории, ее общее представление о человеческом языке – в том, что языковые единицы, входящие в предложение (за исключением разве что простых морфем), представляют собой нечленные конструкции с индивидуальным значением, и такое значение для каждой конструкции определяет ее состав и регулирует взаимодействие всех без исключения ее элементов, независимо от типа и уровня. С этой точки зрения стилистические свойства оказываются равноправны со всеми другими и не просто достойны описания, а необходимы для его полноты.

Ч. Филлмор предложил философию, образ лингвистического мышления и представление о языке. Материал анализа нашего глагола дает новые аргументы в его поддержку.

Оказывается, что стилистическая характеристика *сунуть* не случайным образом появляется и исчезает при взаимодействии с другими, семантическими – например, в процессе приставочной деривации (см. разд. 3.1). Пространственная приставка (например, *про-* в *просунуть*) не просто добавляет глаголу локативный компонент значения, она трансформирует всю его семантическую структуру так, что именно этот компонент – характеристика конечной точки движения – становится в ней наиболее значимым коммуникативно, иначе такому приставочному значению не найдется места в семантике *сунуть*. Отсюда ослабление «возвратности» и потеря дериватом стилистической маркированности. Если же значение приставки не пространственное, а метафорическое (как в *подсунул взятку*), оно не нуждается в «перекомпоновке» и «переоценке» смысловых элементов и, наоборот, само, будучи оценочным, прекрасно согласуется с исходными параметрами *сунуть*.

Другой пример – с морфологическим рефлексивом *сунуться* (разд. 4.2). Суть этого сюжета в том, что с XIX – начала XX в. до наших дней форма *сунуться* полностью сменила стилистическую ориентацию с нейтральной на сниженную. Конечно, это сопровождалось некоторыми мелкими семантическими изменениями, которые проявлялись, в частности, в небольших отклонениях его семантической сочетаемости (как мы наблюдали, по вполне определенным причинам *сунуться* перестает сочетаться с *как угорелый* или *вперед* и проч.), а может быть даже и в переинтерпретации самой рефлексивной формы (здесь уже взаимодействие не только с семантикой, но и с морфологией!), однако, по-видимому, «локомотивом» всех этих сдвигов стал как раз переход этого глагола в зону сниженного дискурса и закрепление в ней. Более того, мы обнаружили множество контекстов, в которых фактически единственное, что отличает современное употребление от утраченной нормы, – это тот самый стилистический регистр; его переключение делает вопрос (18) *Удобно ли соваться?* в одном временном срезе языка абсолютно адекватным, а в другом – смешным и нелепым¹.

¹ Автор благодарит А.А. Пичхадзе, читавшую эту статью в рукописи, за ценные советы и конструктивные замечания.

Литература

1. Bowerman M. & Choi S. Space under construction: Language-specific spatial categorization in first language acquisition. // D. Gentner, & S. Goldin-Meadow (Eds.), *Language in mind: Advances in the study of language and thought* (p. 387–427). Cambridge: MIT Press, 2003.
2. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Малоизученные единицы со значением незаданности критериев выбора в русском языке // *Логический анализ языка: квантитативный аспект* / ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2005.
3. Зализняк А.А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*, 1995. Vol. 19. P. 143–185.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки русской культуры, 2006.
5. Плунгян В.А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // *Московский лингвистический журнал*. 2001. Т. 5, № 1. С. 95–124.
6. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
7. Сай С.С. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
8. Плунгян В.А. Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
9. Генюшене Э.Ш., Недялков В.П. Типология рефлексивных конструкций // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. СПб., 1991.
10. *Идиоматика* // А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева и др. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
11. Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М.: Индрик, 1997.
12. Кустова Г.И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // *Семиотика и информатика*. 1998, № 36.
13. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // *Концепт боль в типологическом освещении*. Киев, 2009. С. 8–27.
15. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Бонч-Осмоловская А.А. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // *Лингвистика конструкций*. М., Азбуковник, 2010.
16. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Карпова О.С. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг, 2010.
17. Fillmore C. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. // Dietrich, Rainer & Carl Friedrich Graumann (eds.) *Language Processing in Social Context*. North Holland: Elsevier Publishers, 1989.
18. *Grammatical Constructions: Back to the Roots*. Amsterdam/ Philadelphia: Benjamins, 2005.
19. Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
20. Goldberg A. *Constructions at Work: the nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

STYLISTICALLY MARKED RUSSIAN VERBS: THE CASE OF SOVAT' – SUNUT'.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 3(35), pp. 73–92. DOI 10.17223/19986645/35/7
 Rakhilina Ekaterina V., Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
 E-mail: rakhilina@gmail.com

Keywords: lexical semantics, Russian language, stylistics, semantic motivation, derivational patterns, prefixes, verbs of putting.

The paper deals with the morphosyntactic and stylistic properties of the Russian verb SUNUT' ('to shove') and argues for their semantic motivation. SUNUT' is usually considered as one of "putting verbs" (denoting change of location), but it has some peculiarities in its syntax, derivational patterns, semantics and stylistics. Unlike other verbs of this taxonomic class, SUNUT' profiles the way the object is transferred to the final location, but not the location itself. It implies that after the object is

rapidly moved by the human hand, the hand is quickly removed from the final location of the object. The idea of incompleteness which arises due to the component of high speed is responsible for low-register uses of SUNUT'.

It is shown that the component of low register disappears in the context of some prefixes, like PRO-, which change the semantic profile of the lexical item. However, ZA- or POD- derivatives inherit the original stylistic register of SUNUT' and enrich it with additional implicatures emerged from their meaning ('putting far away' --> 'without enough control' + low register; 'putting under' --> 'secretly' + low register).

Low register is also inherited by two reflexive derivatives of SUNUT': SUNUT'SIA ('to tamper') and SOVAT'SIA ('to horn in'). The results of the corpus study (based on the data of Russian National Corpus, www.ruscorpora.ru) presented in the paper demonstrate that previously the reflexive and non-reflexive forms of SUNUT' were not stylistically marked and occurred in neutral surroundings. No earlier than in the 19th century the reflexive forms SUNUT'SIA and SOVAT'SIA denoted impatient motion of a human being in different directions. In most cases that was motion forward from the initial position. Interestingly, the forms were also used in contexts of polite request, which proves they were not marked stylistically. The gradual effect of lowering of the register took place within the interval of one century; it represents a clear case of a semantic shift affecting these derivatives.

The non-reflexive verb SUNUT' displays an unusual semantic development: along with 'putting', in Modern Russian, it can denote 'giving', 'showing' and 'hitting'. The final part of the paper argues that the corresponding shifts (no matter how unusual they look) are motivated by regular syntactic patterns of SUNUT'. The most complicated is the shift from 'putting' to 'hitting'. The verb undergoes radical syntactic reinterpretation and becomes intransitive.

However, the mechanism of this shift is fully transparent as it is shown in the article.

References

1. Bowerman M., Choi S. *Space under construction: Language-specific spatial categorization in first language acquisition*. In: Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.) *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. Cambridge: MIT Press, 2003, pp. 387–427.
2. Levontina I.B., Shmelev A.D. *Maloizuchennye edinitsty so znacheniem nezadannosti kriteriev vybora v russkom yazyke* [Understudied units with the meaning of unspecified selection criteria in the Russian language]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskyy analiz yazyka: kvantitativnyy aspekt* [Logical analysis of language: quantitative aspect]. Moscow: Indrik Publ., 2005.
3. Zaliznyak A.A. *Opyt modelirovaniya semantiki pristavochnykh glagolov v russkom yazyke* [Experience of modeling the semantics of prefixal verbs in the Russian language]. *Russian Linguistics*, 1995, v. 19, pp. 143–185.
4. Zaliznyak A.A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in the language and methods of its expression]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2006. 672 p.
5. Plungyan V.A. *Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti* [Prefix pod- in Russian: a description of the semantic network]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*, 2001, v. 5, no. 1, pp. 95–124.
6. Yanko-Trinit'skaya N.A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow: USSR AS Publ., 1962. 247 p.
7. Say S.S. *K tipologii antipassivnykh konstruksiy: semantika, pragmatika, sintaksis*. Diss. kand. filol. nauk [On the typology of anti-passive constructions: semantics, pragmatics, syntax. Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2008.
8. Plungyan V.A. *Obshchaya morfologiya* [General morphology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. 384 p.
9. Genyushene E.Sh., Nedyalkov V.P. *Tipologiya reflektivnykh konstruksiy* [Typology of reflexive constructions]. In: Bondarko A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [The theory of functional grammar. Person. Voice]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1991.
10. Baranov A.N., Dobrovol'skiy D.O., Kiseleva K.L. et al. *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki* [Thesaurus of modern Russian idiom]. Moscow, Mir entsiklopediy Avanta+ Publ., 2007.
11. Krys'ko V.B. *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka. Ob'ekt i perekhodnost'* [The historical syntax of the Russian language. Object and transitivity]. Moscow: Indrik Publ., 1997. 424 p.
12. Kustova G.I. *Proizvodnye znacheniya s eksperientsial'noy sostavlyayushchey* [Derivative meanings with an experience component]. *Semiotika i informatika*, 1998, no. 36.

13. Kustova G.I. 2004. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of language extension]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 472 p.
14. Bonch-Osmolovskaya A.A., Rakhilina E.V., Reznikova T.I. *Glagoly boli: leksicheskaya tipologiya i mekhanizmy semanticheskoy derivatsii* [Verbs of pain: lexical typology and mechanisms of semantic derivation]. In: Britsyn V.M., Rakhilina E.V., Reznikova T.I., Yavorskaya G.M. (eds.). *Kontsept bol' v tipologicheskom osveshchenii* [The concept of pain: on the typology]. Kiev: Vid. dim Dmitra Burago Publ., 2009, pp. 8–27.
15. Rakhilina E.V., Reznikova T.I., Bonch-Osmolovskaya A.A. *Tipologiya preobrazovaniya konstruktsiy: predikaty boli* [Typology of construction conversion: predicates of pain]. In: Rakhilina E.V. (ed.) *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2010.
16. Rakhilina E.V., Reznikova T.I., Karpova O.S. 2010. *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktsiyakh: metafora, metonimiya i rebrending* [Semantic changes in attributive constructions: metaphor, metonymy and rebranding]. In: Rakhilina E.V. (ed.) *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2010.
17. Fillmore Ch. *Grammatical construction theory and the familiar dichotomies*. In: Dietrich R., Graumann C.F. (eds.) *Language Processing in Social Context*. North Holland: Elsevier Publishers, 1989.
18. Fried M., Boas H.C. (eds.) *Grammatical Constructions: Back to the Roots*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2005.
19. Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
20. Goldberg A. *Constructions at Work: the nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press, 2006.